
ЛИТЕРАТУРА
КЛАССИЧЕСКАЯ
КЛАСИКА

*Это издание
стало возможным благодаря поддержке
ОАО «Российско-Китайский Центр
торгово-экономического
сотрудничества»*

*Отдельная благодарность
большому другу нашего издательства
Мунире Рахимовне Джасьбаевой
за бескорыстную помощь
и поддержку*

本书问世多亏俄中经济贸易合作
中心开放型股份公司的支持

特谢我社挚友穆尼拉·拉希莫夫娜·
扎芯巴耶娃的无私帮助与支持

У ЧЭН-ЭНЬ

**Путешествие на Запад.
Роман в четырёх томах.**

Том первый

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-97

Ч-97 **Чэнэнь У.**
Путешествие на Запад. Роман в четырёх томах. Том первый / Пер. с кит.
А. Рогачева. – М.: Эннеагон Пресс, 2021. – 536 с.

ISBN 978-5-519-67340-2

Этот роман - жемчужина китайской классической прозы. Он написан более трёхсот лет назад и стал неотъемлемой частью мировой культуры. Историческое ядро сюжета - путешествие буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными сутрами.

Реальное путешествие удивительно переплетается с фантастическими подробностями. Оригинальные сюжетные ходы, схватки с демонами и оборотнями окрашены юмором, который придаёт повествованию особую лёгкость. Образ одного из героев повествования, Сунь У-куна - Царя обезьян, - занял прочное место в современной массовой культуре. Путешествие буддийского монаха и его друзей продолжается в мультфильмах и мюзиклах. У Чэнь-энь создал роман, которым будут зачитываться многие поколения читателей.

ISBN 978-5-519-67340-2

- © Перевод на русский язык, 1959.
Правообладатель И. Рогачев
- © Издание на русском языке, оформление,
ООО «Эннеагон Пресс», 2007

А. Рогачев

«ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД» («СИЮЦЗИ»)¹

Знаменитый роман «Сиюцзи» был написан в середине правления Минской династии (1368—1644 гг.). Китайские историки литературы относят его к «четырем жемчужинам» повествовательной прозы, помещая в один ряд с такими прославленными произведениями, как «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна (XIV в.), «Речные заводы» Ши Найяня (XIV — нач. XV в.) и «Цзин, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе») (аноним XVI в.). Подобная оценка более чем справедлива. Вот уже свыше трехсот лет это произведение пользуется в Китае необыкновенной популярностью. Оно стало поистине неотъемлемой частью китайской культуры, причем не только высокой, рафинированной, но и простонародной, низовой. Народные сказители *шошуды* донесли имена Сюань-цзана, Сунь У-Куна, Чжу Ба-цзе и прочих персонажей книги до самых глухих уголков Китая. Роман постоянно переиздается огромными тиражами, его ставят на сцене, экранизируют, на его основе создают сокращенные версии со множеством рисунков (наподобие комиксов). По свидетельству известного русского китаиста В. М. Алексеева, скульптурные и рисованные изображения основных персонажей «Сиюцзи» можно встретить в китайских буддийских монастырях и храмах. В 1907 году, путешествуя по Китаю, В. М. Алексеев обнаружил в храме Сюань-у Дади в провинции Шаньдун «весьма любопытный ассортимент богов: два Люйгуна (громовика), Черепаха-Змея, Пять Драконов и др.». По мнению ученого, эти изображения служили своеобразной «иллюстрацией к роману-эпосе «Сиюцзи»².

Некоторые герои «Сиюцзи» были известны и почитаемы задолго до появления романа. Дело в том, что сюжетной основой этого произведения было реальное историческое событие — паломничество буддийского монаха Сюань-цзана в Индию за священными книгами,

---

¹ Предисловие составлено В. Рынкевичем по публикациям А. Рогачева.

² Алексеев В. М. В старом Китае. М., 1958. С. 150.

совершенное в годы правления династии Тан (618—907). Паломничество Сюань-цзана вскоре обросло бесчисленными легендами и преданиями, а сам он стал персонажем почти мифическим и для многих поколений китайских буддистов символом святого подвижничества. Это не означает, что реальный Сюань-цзан был забыт — просто, как это часто случается, историческая личность и ее житийный двойник начали вести параллельное существование. О том, как далеко могли расходиться фольклорный персонаж и его исторический прообраз, несколько неожиданно свидетельствует сделанное В. М. Алексеевым описание одной из картин его коллекции народного лубка: «Другой символ — «лошадь с перлами», «драгоценный конь» (бао-ма) или золотой жеребенок (цзинь-мацзюй) изображается нагруженным драгоценностями, горящими ярким блеском. Происхождение этого символа может быть буддийским, а именно от коня, на котором Сюань-цзан привез из Индии знаменитые книжные сокровища. Простое выражение «драгоценный конь», подразумевающее «коня, приносящего книжные сокровища», было понято буквально, как «конь с драгоценностями», то есть с перлами, кораллами, монетами и тому подобными вещами, более реальными и осязаемыми, чем буддийские книги»¹.

В результате мощного культурного влияния Китая на сопредельные страны знаменитые произведения китайской литературы (среди них одно из первых мест занимает «Сиюцзи») распространились далеко за пределы Серединного государства. В 1721 году «Сиюцзи» был переведен на монгольский язык и приобрел широкую популярность. В. И. Семанов и Б. Л. Рифтин, авторы статьи «Монгольские переводы старинных китайских романов и повестей», пишут: «Эпизоды из «Сиюцзи» использовались в оформлении архитектурных памятников... они были изображены на воротах Богдо-гэгэна и на здании дворца его брата Чойджин-ламы в Улан-Баторе»². Вскоре после появления романа его переводят и издают в Японии. Некоторые эпизоды «Сиюцзи», например «Мятеж в Небесных чертогах», стали темой театральных представлений. Во Вьетнаме «Сиюцзи» соперничает в популярности с «Троецарствием» и «Речными заводами»; широко известны пьесы, инсценирующие отдельные эпизоды романа.

В России «Сиюцзи» стал известен гораздо позже, чем на Дальнем Востоке. Одно из первых, хотя и весьма беглых, упоминаний о нем содержится в трудах крупнейшего русского китаиста XIX века

---

¹ Алексеев В. М. Китайская народная картина. М., 1966. С. 164.

² Литературные связи Монголии. М., 1981. С. 234—279.

В. П. Васильева¹, который был превосходным знатоком литературы, связанной с буддизмом.

В Западной Европе одним из первых исследователей, проявившим интерес к «Сиюци», был Сулье де Морон, который выпустил в 1912 году в Париже «Очерк китайской литературы». В 1913 году Ричард Т. издает в Шанхае английский перевод первых семи глав романа и краткое изложение остальных. Самые общие сведения о «Сиюци» даны в «Истории китайской литературы» Х. Джайлза (Лондон, 1901). На Западе утвердилась традиция сокращенного перевода романа. У ее истоков стоит крупнейший английский синолог и переводчик Артур Уэйли, который в 1943 году издал «Сиюци» в Лондоне не только в сокращенном виде, но и под другим названием — «Обезьяна», а через год в переработанном виде (для детей) выпустил в свет под названием «Приключения обезьяны». С перевода Уэйли сделан и первый немецкий перевод (Цюрих, 1946).

У Чэн-энь (второе имя — Жучжун, прозвище — Шэян шаньжэнь) родился в области Хуайань провинции Цзянсу. Единого мнения о дате его рождения нет до сих пор. На основании многочисленных исследований китайских и зарубежных ученых У Чэн-энь родился между 1500 и 1510 годами. Точно так же не известна дата смерти писателя. Однако, судя по его стихам, в 1579 году он был еще жив. Применительно к Китаю тот факт, что даты жизни автора романа, одного из самых популярных в наши дни (причем не только на Востоке, но и на Западе), остались неизвестными, свидетельствует о многом. В старом Китае, строго следовавшем традициям, предъявлялись достаточно жесткие требования к представителям образованного сословия. Если человек, какими бы высокими дарованиями он ни отличался, не занимал определенного места в иерархии чиновников, то у него было крайне мало шансов быть упомянутым в официальных биографических сводах — главных источниках наших знаний о жизни сколь-нибудь заметных персонажей китайской истории. Конфуцианская идеология, которая на протяжении многих столетий была одним из трех главных факторов (наряду с буддизмом и даосизмом⁸), влиявших на формирование мироощущения китайцев, выработала определенный тип человека-чиновника, посвящающего свою жизнь служению императору, государству и обществу. Согласно Конфуцию, идеальным применением природных дарований была практическая деятель-

---

¹ Васильев В. П. Очерк истории китайской литературы. СПб., 1880.

ность на благо государства. Творческие достижения имели в глазах современников уже не так много ценности, если их автор не сделал достойную карьеру на государственном поприще. А чтобы добиться соответствующих званий, существовала строгая экзаменационная система. Человек, не сдавший экзаменов, фактически оказывался вытесненным на периферию общественной и культурной жизни и зачастую влачил скучное существование. Увы, именно так сложилась и судьба У Чэн-эня. Он много раз делал попытки сдать злополучные экзамены, но для него, талантливого поэта и литератора, непреодолимой преградой оказывалось экзаменационное, так называемое «восьмичленное» сочинение, требовавшее не столько творческого подхода, сколько виртуозного умения комбинировать отрывки и цитаты из канонических конфуцианских книг.

В силу названных причин дошедшие до нас сведения о жизни У Чэн-эня носят довольно фрагментарный характер. В распоряжении современных исследователей осталось не так много материалов, на основании которых можно восстановить хронику жизни писателя. Это, во-первых, семейная хроника (обычно семейные хроники велись в состоятельных старинных родах, однако она велась и в небогатой семье У, хотя отрывочно и нерегулярно). Во-вторых, принадлежащие перу У Чэн-эня поминальные надписи (особый, вполне почтенный жанр средневековой китайской литературы), собственно литературные произведения писателя, предисловия к чужим сочинениям, а также многочисленные стихи. (Поэзия в Китае носит традиционно «документальный» характер и вполне может служить источником точных данных.) У Чэн-энь оставил немало стихотворений, посвященных важным чиновникам своей эпохи, и зачастую снабжал эти стихи пространными предисловиями, в которых содержатся интересные исторические факты. В-третьих, это местная хроника — «Описание уезда Хуайань», в котором родился и жил У Чэн-энь. Такого рода местные хроники включают, как правило, погодную летопись событий, имена всех выдающихся местных уроженцев и т. п. Так, об У Чэн-эне в «Описании уезда Хуайань» говорится следующее: «Человек глубокого и острого ума, широкой образованности, исключительного поэтического таланта, блестящий стилист. Обладал удивительным чувством юмора. Первые же литературные произведения прославили его имя»¹.

Дед и отец писателя были людьми образованными, хотя и образование, и мелкие чины достались им в тяжких трудах. Дед У Чэн-эня ведал

---

¹ Цит. по: Лю Сюе. Гудянь сяошо сицхой цункао (Исследование классической художественной прозы и драмы). Пекин, 1958. С. 2.

местными школами, но жил довольно бедно. Когда он умер, его сыну У Жую, будущему отцу писателя, исполнилось всего четыре года. После смерти деда положение семьи стало вовсе плачевным. У Жуй в сравнительно позднем возрасте получил возможность учиться — его отдали в обучение сяньшэну. Как свидетельствует поминальная надпись, «учителю ежегодно полагалось делать подарки, но семья У не имела на это средств»¹. Далее в том же тексте говорится, что У Жуй «пользовался любой возможностью, чтобы послушать, хотя бы со стороны, уроки, которые наставник давал другим ученикам. В результате он овладел всеми необходимыми знаниями, в том числе и знанием классических книг, из которых особенно преуспел в изучении «Чуньцю» и «Сяоцзин»². Успехи так поразили учителя, что он решил помочь ему поступить в уездную школу». Однако бедность помешала У Жую продолжить учебу. Он рано женился и принужден был помогать тестю, который владел небольшой лавкой по продаже шелка. В старом Китае считалось, что человек, даже если он только встал на путь к чиновничьей карьере, не должен заниматься торговлей, это считалось для него постыдным. Даже в лавке У Жуй каждую свободную минуту отдавал чтению, торговлей пренебрегал, сторонился цехового общества торговцев, не принимал участия в их пирушках. За ним установилась репутация чудака. Однако среди образованных людей края У Жуй слыл человеком независимых взглядов, правдивым и умным. Его очень ценил правитель уезда Гэ Му, крупный чиновник, основатель Училища Драконова Потока (частной школы, в которой впоследствии учился У Чэн-энь). К старости положение У Жую укрепилось, он завоевал всеобщее уважение и почет. У Чэн-энь радовался за отца и как-то в шутку заметил: «А чудачества-то, выходит, помогли!» — чем очень рассердил старика, который строго ответил: «Уж не думаешь ли ты, что я всю жизнь притворялся, чтобы завоевать симпатии людей?»³

Не исключено, что подобный «житийный» облик У Жую сложился во многом благодаря его сыну. У Чэн-энь, описывая отца, в значительной степени следовал канону жанра поминальных надписей, в который вполне укладывался образ чудака-бессребреника, терпящего насмешки и издевательства, отмеченного вниманием вельможи, а на склоне лет завоевавшего наконец почет и уважение как воздаяние за

---

¹ Там же. С. 2.

² «Чуньцю» («Весны и осени») — летопись царства Лу, составление и редактуру которой традиция приписывает Конфуцию; «Сяоцзин» — «Книга сыновнего благочестия» — сочинение конфуцианского канона.

³ Там же. С. 5.

праведную жизнь... Как бы то ни было, но едва ли можно отрицать влияние отца на склад ума, характер и интересы У Чэн-эня.

У Чэн-энь родился от наложницы по имени Чжан (она была родом из Нанкина), которую У Жуй взял в дом после смерти жены. С детских лет У Чэн-энь увлекался литературой и в школе выделялся среди сверстников начитанностью (более удачливый в этом отношении, чем отец, он закончил полный курс начальной школы). Однако он интересовался не только историями династий и биографиями знаменитостей, но и народной литературой, хотя против такого «неканонического» чтения возражали отец и учитель. Еще в ранней юности У Чэн-энь решил стать писателем и начал собирать материал для будущей книги. В первую очередь он искал странные истории и анекдоты с сатирической окраской, хотя интерес к этим «низким» жанрам не делал чести для благородного человека, стремящегося к образованию в конфуцианском духе. Позднее, когда собранное сложилось в книгу, названную «Треножник Юя», У Чэн-энь в предисловии (только оно до нас и дошло, сама книга не сохранилась) так описал историю ее создания, а также мотивы своих странных литературных пристрастий:

«Всегда, еще с детства, душой я был читателем о странном и невиданном. Учась в местной школе, бывало, сбегал на рынок раздобыть простонародные повестушки или истории о прошлом. Забьюсь в укромную щель и читаю, опасаясь разноса от отца или учителя-сяньшэна — они могли и отнять мои находки. С возрастом я все больше предавался пагубной склонности к чтению. Начал собирать повествования обо всем необычном, и голова моя оказалась сверх меры забита подобным.

Еще я бывал в восторге от жизнеописаний, принадлежавших перу танских авторов — Ню Цичжана и Дуань Кэгу, особенно от их умения обрисовать манеру или характер героя. Я мечтал написать что-нибудь с ними вровень, но по лени своей так никогда и не взялся. Даже собранное мною куда-то с годами рассеялось, кроме этой дюжины историй, которая оказалась столь несговорчивой по характеру, что победила мою сонную неподвижность, — я оказался в силах составить эту книгу. Я смеялся над собой: казалось, эти истории записали сами себя, без моего участия. Я же походил на старого рыбака, осушившего поток, чтобы достать свои сети. Прибавляя историю за историей в будущую книгу, я все сомневался, так ли уж ново собранное мною. И хотя название моих записок указывало, что это лишь беглая запись сюжетов, повествований о духах, — это было лишь частью общего замысла. В земном мире необычайное встретишь не так уж